

Е.А.МАКАРОВА

*кандидат филологических наук, доцент,
Томский государственный университет*

РОЛЬ Г.Н. ПОТАНИНА И Н.М. ЯДРИНЦЕВА В СТАНОВЛЕНИИ КУЛЬТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА В СИБИРИ.

В статье освещается роль лидеров сибирского областничества в формировании культурного регионализма, формирующихся на оппозиции понятий «провинция» – «периферия», «центр» – «регион». Многоуровневая система взаимопрезентаций рассматривается в аспекте категорий фронта и культурного трансфера. Проблема провинциальной печати демонстрируется на примере издательских проектов Н.М. Ядринцева.

Ключевые слова: областничество, регионализм, фронт, издательский проект, сборник.

Е. А. MAKAROVA

*Candidate of Science (Philology), Associate Professor
Tomsk State University*

THE ROLE OF GRIGORY POTANIN AND NIKOLAY YADRINTSEV IN FORMATION OF SIBERIAN CULTURAL REGIONALISM

The article throws some light on the role of Siberian regional leaders (oblastniki) in formation of cultural regionalism based on the opposing concepts of «province» – «periphery», «center» – «region». The multilevel system of mutual presentations is considered in terms of such categories as frontier and cultural transfer. The problem of provincial publishing practices is demonstrated by the example of Nikolai Yadrintsev's publishing projects.

Key words: oblastnichestvo, regionalism, frontier, publishing project, collection.

Разнообразные архивные источники, многочисленные статьи областников в центральной и региональной прессе, их дневники и письма дают возможность показать, как многие геополитические и геоэкономические обстоятельства второй половины XIX – начала XX в. помогли становлению культурного регионализма в Сибири и формированию очередного ло-

кального мифа российской цивилизации. Вследствие этого в заявленной проблематике принципиальным видится процесс взаимовлияния культуры центра и сибирского региона, создающий многоуровневую систему взаимопрезентаций, включающую, помимо собственно результатов историко-культурного процесса, и формирование представления о сути России и Сибири, «сибиряка» и «русского».

Необходимым видится и реконструкция рецепции сибирской культуры столичной словесностью и критикой, а также рефлексии центра по поводу регионального «другого». Наконец, как показывают современные исследования в области методологии познания, в науке все большую роль играет сближение разных подходов, стирание жестких границ между философией, культурологией, историей и филологией, историей и теорией литературы. Такая постановка проблемы во многом корректирует общепринятое представление о культурном взаимодействии центра и сибирского региона России, снимая, в частности, традиционную идею об отставании сибирской культуры в своем развитии от столичной, о прямом влиянии последней на сибирских авторов, о своего рода зависимости одного историко-культурного процесса от другого. Вышеизложенное делает предлагаемую постановку проблемы, на наш взгляд, чрезвычайно актуальной.

Подобная проблематика все больше занимает гуманитарные науки. Всплеск интереса к ней, произошедший в последние десятилетия XX в. благодаря выходу в свет ряда монографий и исследований, привел к дальнейшему изучению продуктивного диалога метрополии и периферии. Это, прежде всего, нашло отражение в современной отечественной историографии и литературоведении, а впоследствии в изучении русской литературы с точки зрения проблемы культурного трансфера и теории диалога, как ее понимал М.М. Бахтин. Принципиальной в этом плане стала книга Эдварда Саида «Ориентализм», представляющая исследование европейского взгляда на неевропейскую часть человечества. Вследствие этого в ней представлен и своеобразный взгляд на Россию [12]. Ряд исследователей продолжают развивать мысль о характерном традиционном колониальном восприятии Сибири [10], уточняют границы применения западных понятий колониализма и ориентализма к русской культуре [11].

В коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» [6] авторы представили новые подходы в интерпретации данной проблемы, сфокусировав внимание на специфике взаимоотношения центра и Сибири, особенностях ее хозяйственного и социокультурного освоения, формировании особой русско-сибирской территориальной идентично-

сти. Современное исследование Ю. Слезкина посвящено загадке культурной чуждости [7]. В итоге во всех этих исследованиях, так или иначе, задается проблема диалога, в свете которой литературу продуктивно рассматривать в контексте реконструкции образа «другого».

Очевидно, что явно недостаточным для определения специфики историко-культурных процессов, происходящих на далеких восточных окраинах, является чисто территориальный, географический признак, но важнее становится сама «идея». Для преодоления узкого толкования этих проблем видится необходимым внедрение понятия «фронтир», приобретающего черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяет, сколько сближает внутреннее и внешнее пространства.

Действительно, по своему расположению к востоку от Урала Сибирь является по преимуществу «евразийским» регионом. В то же время конфигурация ее территории такова, что Сибирь можно считать продолжением Западной России в Азии. Тем не менее, определяющим для границы Сибири стал именно Урал, который разделил вполне реальную «метрополию» и столь же реальные «владения», где имелось все, чему положено быть в колониях (территориальная удаленность, экзотические аборигены, золотые прииски и проч.) Все эти процессы формировались на фоне все большего внедрения в жизнь областнической концепции.

Эволюционным этапом в мировоззренческой системе ее создателей, Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, в освоении и усвоении мира, стало осознание своего «я» и отделение «своего» пространства от «чужого», «иногое», что неизбежно выводило к понятию границы. В самой сути областнической идеи и духовно-топографическом пути ее лидеров можно пронаблюдать характерную ситуацию фронта, пересечения границы, поиска идеального локуса для воплощения своей доктрины. Вследствие этого происходит явная перефокусировка взгляда на Сибирь, которая воспринимается уже не извне, а изнутри, в самой же литературно-культурной ситуации формируется очередной локальный текст, получивший название «сибирский текст».

Сибирь изначально представляла по отношению к центру колонию и являлась не провинцией, а периферией. Провинция, как известно, существует на фрагментированной природной ландшафтной основе, где очаги взаимосвязаны, тогда как периферия – максимально централизованный и одновременно фрагментированный компонент системы. По определению В.Л. Каганского, провинция – это самодостаточная обыденная среда системы, нецентростремительная база деятельности, удаленная от краев и крайностей [4, с.89]. Периферия же – это, прежде всего, зависимая ок-

раина, место решения задач иных элементов и системы в целом, и главная ее особенность коренится в том, что пространство периферии изначально присвоено, а не освоено, неопределенно, охвачено и задано внешне, что выразилось и в истории Сибири. Культурная периферия может быть одновременно экономическим центром, религиозным, политической периферией и т. д. Провинция же – это периферия ко всему, соответствующая абсолютистским качествам центра. Таким образом, представляя Сибирь именно как периферию, а не провинцию, можно определенно говорить о специфике формирования «сибирского текста» в общей социальной и культурной ситуации последних десятилетий XIX в.

Уже к середине 1870-х гг. окончательно формулируются главные положения областнической концепции, выраженные в многочисленных публикациях Потанина и Ядринцева в центральной и региональной прессе. В связи с этим начинает формироваться и собственно сибирская литература и культура. В самой областнической доктрине к этому времени тоже наметилась явная эволюция, связанная с усилением внутреннего спора по проблеме границы. Значительное влияние на формирование и развитие взглядов областников оказала история западноевропейских колоний, политических и экономических теорий того времени.

Через всю жизнь у Ядринцева проходит увлечение Североамериканскими Штатами и уверенность, что Сибири уготовано столь же прекрасное будущее. Западные идеи и колониальный опыт в значительной мере стали для будущих областников толчком к осознанию колониального положения Сибири в составе Российской империи. Наряду с историей колоний и колониальной политики областники обращаются к изучению вопроса о положении провинции в Европе, прежде всего во Франции, Англии и Швейцарии. В итоге Ядринцев становится одним из наиболее заметных русских защитников и теоретиков децентрализации.

Потанин же видел залог будущего развития Сибири в общинном, артельном начале. Для него важно было указать на ту разницу, которая существовала между сибирской и американской колонизацией. Главное отличие Сибири от России, по его убеждению, – в отсутствии крепостного права, поэтому, прежде всего, из общины вырастает сам принцип федерализма и именно Сибирь должна совершить этот переход, в этом ее мировое значение.

Осмысляя феномен сибирской литературы в статье «Роман и рассказ в Сибири», Потанин определенно рассматривает проблему уже не в узко локальном, но принципиальном смысле, выявляя в ней особые органичные, по его выражению, «кристаллические формы». Крайне характерным

ему видится актуализация новых жанров и сюжетов в творчестве сибирского писателя Н.И. Наумова, в произведениях которого преобладающим жанром становится очерк, размывающий границу между художественным и документальным письмом. Практически все его сюжеты связаны с дорогой, сибирским трактом, сам же автор выступает в них не просто как чиновник по крестьянским делам, но и как «невольный турист».

Н.М. Ядринцев на рубеже 80–90-х гг. XIX в. публикует в редактируемой им газете «Восточное обозрение» огромное количество статей, посвященных «сибирскому вопросу», включающих целый комплекс проблем: центра и периферии, тюрьмы и ссылки, русских переселенцев, инородцев и проч. Как подчеркивает современный исследователь, «в процессе систематического осмысления судьбы Сибири Ядринцевым используется весь спектр гуманитарного знания – история, геополитика, экономика, лингвистика. Постигая историю Сибири в пространственных категориях, он определяет место ее развития не Европой и не Азией, но той особой территорией-конгломератом, которой «предстоит новая роль и новые задачи» [2, с. 98]. В итоге в его творческой системе происходит окончательное формирование колониального дискурса, впервые представленного в областнической доктрине последней трети XIX в.

Сибирь теперь рассматривается историком и публицистом как принципиальное географическое, натуралистически-антропологическое пространство России, то конкретное место, где явлена самостоятельная сфера человеческого бытия, сложная, противоречивая и настоятельно требующая глубокого осмысления.

Потанин к этому времени практически отходит от общественно-публицистической деятельности, полностью посвящая себя науке. Его все больше влечет Восток, и это не случайно. К последней трети XIX в. просвещенное человечество и наука уже переболели европоцентризмом, вследствие чего начинается пристальный интерес к Востоку, и Потанин в этом – один из первых. Он понимает, что Восток не просто интересен сам по себе, но помогает Европе понять самое себя. В этот период в науке начинается тщательная ревизия культурного наследия: выясняется родословная европейских культур, ищут их истоки, прародину. В итоге выявляется, что в былые времена они тесно взаимодействовали, поэтому не случайно в науке появляются различные гипотезы, прокладывающие мостки между Востоком и Западом. В связи с этим Потанин начинает работу над капитальным трудом «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», изданном в 1899 г.

В своих знаменитых экспедициях, предпринятых при поддержке Русского Географического общества, исследователь собирает не только конкретный этнографический материал, но обращается к фольклору, монгольско-тюркским преданиям. Важная качественная эволюция происходит и в творческих поисках Потанина. Источником многих сюжетов европейского эпоса он теперь предлагает считать не «высокие» письменные культуры, а степные предания народов Центральной Азии. Вслед за А.Н. Веселовским исследователь решает вопрос о «бродячих сюжетах». В результате в своих поисках и обозначении общего сюжета о Боге-отце и Боге-сыне (Ерке) на основе фольклорных буддийских источников он выходит уже к своего рода христианским откровениям.

В итоге значимым этапом в развитии областнической доктрины становится тот факт, что в последнее десятилетие XIX в. ее открытия начинают определенно смыкаться с раздумьями русской религиозной философии рубежа веков. Сама же сибирская литература и культура все чаще обращается к проблеме «местного самосознания», поискам некоей общей «идеи», обуславливающей своеобразие регионального литературного процесса. «Свое» в творчестве регионального автора теперь уже раскрывается в феноменологическом образе края, который начинает приобретать поистине бытийное значение. По сути, вся русская литература и культура находится в поисках той духовной реальности, которая неизбежно выводит ее на другие, побочные пути, далекие от центральных культурных магистралей. И путь человека культуры уже определяется не движением с Востока на Запад, а принципиально поворачивается в сторону российской восточной периферии.

Таким образом, окончательное оформление идей областничества в последние десятилетия XIX в. приводит к новому в русской культуре взгляду на Сибирь как на целостность. По утверждению Д.Н. Замятина, «образ Сибири, созданный областниками, был настолько крупным, соразмерным поставленным ими политическим задачам, что он до сих пор, по-видимому, является более прочным и практичным, нежели большинство современных геополитических образов Сибири, слишком явно ориентированных на природно-ресурсную составляющую» [3, с. 48].

* * *

Как известно, одним из главных тезисов в областнической концепции значилось формирование местной литературы и появление региональной печати. В связи с этими назревшими проблемами с середины 1870-х гг. разворачива-

ется полемика вокруг проблем местной печати, за которой внимательно следят и в столичной прессе.

В 1873 г. в «Камско-Волжской газете» печатается цикл статей Ядринцева (под псевдонимом «Доброжелатель») «Провинциальные красоты». По-настоящему дискуссия разворачивается после этапной статьи Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции» (Дело. 1875. № 9–10). В ней активно участвуют видный общественный и земский деятель, статистик и писатель-краевед А.С. Гациский, создатель интереснейшего провинциального десятитомного издания «Нижегородский сборник», издатель «Камско-Волжской газеты» К.В. Лаврский, лидеры сибирского областничества С.С. Шашков и Н.М. Ядринцев, писатель и редактор В.Г. Короленко и др. Закономерным явлением этого периода становится появление научно-литературных сборников, связанных с урало-сибирским регионом.

В итоге к концу XIX в. становится очевидным, что провинциальная печать уже является инструментом формирования самосознания региона и важнейшей составляющей общероссийского литературного процесса. Феномен провинции в дальнейшем активизирует направление в современной философии, потребовавшее терминологической определенности – «*региональная философия*». Им буду обозначать «мировоззрение, отражающее своеобразную рефлексию по поводу культурно-исторических противоречий с более значимым (для данного региона) духовным центром» [13]. На данном же этапе в означенной полемике главный вектор исследования оппозиции «столичное–провинциальное» получит значимый переход к оппозиции «регион–центр».

Пожалуй, самым мощным издательским проектом последних десятилетий XIX в. стали научно-литературные приложения Ядринцева к газете «Восточное обозрение» под названием «Сибирские сборники». Они выходили последовательно сначала в Петербурге, с 1886 г., а уже с 1888 г. – в Иркутске, по сути, являя собой начало журнальной прессы в Сибири. В итоге за все время бытования этих приложений вышло сорок восемь книжек, практически в полном комплекте находящихся в фондах РНБ и Научной библиотеки Томского государственного университета, просмотренные нами фронтально, в результате чего сделана опись, готовящаяся к публикации.

Их предтечей и моделью стала газета «Восточное обозрение», основанная Н.М. Ядринцевым и выходившая с 1881 г. в Петербурге. Уже в самом ее названии очевидна заданная масштабность географических границ обозреваемого региона: Сибирь, страны Северо-Восточной Азии – Монголия, Китай, Корея, Япония. На страницах газеты главный ее редактор выступал под различными псевдонимами как автор передовых ста-

тей, очерков, фельетонов, литературно-критических и мемуарных публикаций, стихотворений. В этом издании было напечатано и самое большое число его статей по «переселенческому вопросу» [14]. В приложениях же к газете уже освещались не только современные актуальные для общества вопросы, но и история региона, собирались разнообразные сведения о сибирском крае, пропагандировались и активно продвигались местные литературные силы. В итоге «Сибирский сборник» стал первой попыткой полного всестороннего осмысления Сибири в формате универсального издания.

С 1888 г. «Восточное обозрение» вместе с его приложением перебазируется в Иркутск. За это время произойдет и смена редакторов. В разное время этими изданиями руководили Д.А. Клеменц, А.Н. Ушаков, В.А. Ошурков, И.Г. Шешунов. После смерти Н.М. Ядринцева в 1894 г. постоянным редактором обоих изданий становится бывший ссыльный, народоволец И.И. Попов. Еще одним существенным аспектом по модификации вида сборника стало то, что с переездом в Иркутск в его подзаголовке снимается важное уточнение – *«научно-литературное периодическое издание»* – что было принципиально для акцентировки статуса и жанрово-видовой составляющей сборников петербургского периода. Вероятно, это было связано с пониманием Ядринцевым того, что в сибирском контексте такой вид сборника вряд ли реализуем как по причине отсутствия больших литературных сил, так и из-за слабости технического оснащения в далеком регионе.

При всем этом важно учитывать, что в отдаленном положении Сибири имелись и положительные стороны для развития книгопечатания. Так, многие исследователи отмечают, что сибирскому книгоизданию приходилось опираться, прежде всего, на собственные силы, поэтому, с одной стороны, оно было более скованно в своих возможностях и в большей степени, чем в губерниях европейской России, направлялось на решение внутренних региональных задач. Но, с другой стороны, эта же оторванность от центра, его административного и духовного диктата придавала сибирским изданиям определенную самостоятельность и целеустремленность так как сибирская печать и книгоиздание более остро осознавали свою роль в отстаивании экономической и культурной самостоятельности края, его развитии и социальном переустройстве, чем в других районах России [5, с. 258–259].

В итоге к концу XIX в. в Сибири уже была подготовлена реальная почва для формирования местного книгоиздания как закономерной, необходимой системы в структуре экономики и культуры. Связано это было, прежде всего, с появлением местных губернских ведомостей, памятни-

ми книжками и адрес-календарями отдельных сибирских губерний, путеводителями по городам и другими изданиями. Сама редакционно-издательская модель «Сибирского сборника» Ядринцева была направлена на создание такого научно-художественного сибирского издания, которое отражало бы значительные вопросы жизни региона, и было интересно широкому кругу образованных читателей, не уступая по качеству публикуемых материалов европейским изданиям.

Действительно, книжное дело Сибири в последней трети XIX в. развивалось по схеме эволюции российского книгоиздания, хотя и с определенным отставанием в техническом плане, а также в плане складывания устойчивых издательских форм и моделей. Такая же ситуация обнаруживалась и с развитием местной литературы, периодических изданий. Если помнить, что сибирские областники стали выразителями сибирского самосознания и региональной идентичности, то показательно, как Ядринцев в своих письмах к Г.Н. Потанину отмечает характерную общую тенденцию времени – тяготение к столичному образцу – которая, по его убеждению, может быть как продуктивной, так и крайне нежелательной для развивающейся сибирской культуры.

Главной проблемой ему видится отсутствие концептуальности региональной издательской политики. Рассуждая о положении провинциального редактора, он отмечает, что «едва ли вы найдете хоть одного редактора в провинции с цельными убеждениями, который бы вам именно сказал, чего он хочет. Он всего хочет. Выясненная цель издания – самая главная вещь; что хочет провинциальная печать, она прежде всего должна себя спросить. Мало того – сказать: “мы хотим печатать”. Тогда только заботиться и посвятить себя проведению полезных идей в общество, заняться его воспитанием <...>, имея главную цель вкусом публики льстить всего меньше, имея ввиду направление» [6, с. 218]. Сам же Ядринцев, идеолог областной сепаратистской доктрины, как редактор и издатель во многом ее преодолел. И немалую роль в этом сыграла диалогическая ситуация центра и периферии, отразившаяся в топографической и содержательной специфике его изданий.

В настоящее время материал, который мы исследуем, несомненно, требует пересмотра в русле новых концепций в области методологии познания, если учесть, что в современной науке все большую роль начинает играть сближение разных подходов, стирание жестких границ между философией, культурологией, историей и филологией, историей и теорией литературы. В связи с этим описание и анализ «Сибирского сборника» видится в аспекте одной из самых актуальных и востребован-

ных на сегодняшний день категории культурного трансфера, относительно нового исследовательского аспекта, получившего в последние годы достаточно широкое развитие в области гуманитарных наук. Показательно, что этот концепт зародился в проблемном поле исследований по культуре и межкультурным взаимодействиям, поэтому данный процесс присутствует практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Применим он и к литературно-издательской деятельности, так как может осуществляться на нескольких уровнях – авторском, книгоиздательском, на уровне складывания книжных форм и т. п.

Показательно, что в первые годы своего существования содержательный и концептуальный аспект изданий Ядринцева выстраивался на системе оппозиций, определяющих статус русско-европейской и сибирской культур и литератур, если учесть, что изначально они создавались в Петербурге и только через несколько лет стали выходить в Иркутске. По точному наблюдению Б.Ф. Чмыхало, сам по себе феномен издания газеты «Восточное обозрение» и его научно-литературных приложений в Петербурге и Иркутске экстерриториально представлял определенный парадокс регионализма и значительную трудность для историко-литературного истолкования [9]. Но этот факт обнаружил и явную ситуацию культурного трансфера, позволившей сохранить продуктивный диалог литературы Центра и сибирского региона.

Подобная ситуация привела на рубеже XIX–XX вв. также к смене издательских тактик и стратегий, заданных Ядринцевым при формировании «Сибирского сборника», что уже напрямую было связано со становлением сибирской литературы и журналистики, развивающихся на фоне все большего внедрения в жизнь областнической концепции. Крайне актуальными в ситуации межкультурного диалога периферии и центра представляются такие стратегии Ядринцева, которые помогли создать развитую сеть корреспондентов по всей стране, провести в жизнь его идеи относительно приоритета местной тематики в провинциальной журналистике, сделать основополагающей целью «Сибирского сборника» консолидацию интеллигенции края, формирование профессиональных публицистов и писателей. В подготовке материалов для его издания принимало участие около двухсот сотрудников: писателей, журналистов, ученых, в первую очередь, этнографов, историков, археологов. Среди них были и столичные культурные деятели, и коренные сибиряки, и жители других мест, и приезжие, и политические ссыльные.

Необходимо помнить, что в «Сибирском сборнике», на протяжении почти двадцати лет его существования в Петербурге и Иркутске, печата-

лись тексты самой разной направленности: от экономических, географических, статистических и этнографических до собственно художественных, большей частью связанных с жизнью края. На страницах сборника печатались многие известные и начинающие сибирские авторы, проживающие как в Сибири, так и в столицах. Но, пожалуй, наиболее яркими были публикации самого Ядринцева, совмещающего в себе функции издателя и редактора, литературного критика и журналиста, литератора и этнографа. Его многообразные творческие псевдонимы – «Благожелатель», «Восточный поэт», «Добродушный Сибиряк», «Овидий с Томи», «Семилуженский», «Сибирский патриот», «Старый странник», «Странствующий корреспондент», «Фельетонист», «Чалдон» и др. – создавали более чем показательную диалогическую позицию по отношению к читателю-реципиенту.

В этом плане характерно как И.И. Попов, последний издатель газеты «Восточное обозрение» и ее приложений, в письме Ядринцеву из Иркутска в Петербург от 7 февраля 1894 г., высказывает ряд сомнений по поводу наличия у себя подобных редакторских талантов: «Стать немедленно Вашим соиздателем по Вос[точному] Об[озрению], связать с ним свою жизнь, всецело отдаться работе в нем, я, сразу не испытавши своих сил, не считаю возможным. У меня есть все: и любовь, и желание послужить известной, дорогой нам обоим, идее, но ведь одного издания в таком серьезном деле мало, нужна еще редакторская сноровка, нужно уметь поднять газету на известную высоту и удержаться на ней, нужно самому оказаться талантливым и умелым работником – но есть ли все это во мне, сумею ли выполнить принимаемую задачу, окажусь ли на высоте призвания – этого я еще пока не знаю. Согласитесь сами, уважаемый Николай Михайлович, становиться соиздателем Вашим при такой неуверенности в собственных силах и при отсутствии всякой редакторской практики, было бы безрассудно с моей стороны и одинаково нежелательно и для Вас, и для меня лично. Мне хочется испытать прежде, в течение года хотя бы, свои силы, как редактора, прежде чем я войду в соиздательство» (Подчеркивания – И. П.) [1, л. 7].

Как видим, общая проблематика, задающаяся самой концепцией «Сибирского сборника», вела к выработке стратегий межкультурного диалога, нарастающим взаимодействием культурных импульсов столицы и Сибири и его отражению в параллельно развивающихся литературно-культурных потоках: русско-европейском и сибирском. В итоге его главная идея была направлена на соединение в одном издании разнородного материала с целью всеохватного описания жизни Сибири.

Таким образом, можно утверждать, что данный издательский проект, созданный Ядринцевым, стал более чем актуальной и мощной региональной рефлексией рубежа XIX–XX вв., с попыткой осмысления положения дел в далеком регионе в рамках его истории и современного состояния, обозначением дальнейшего пути развития сибирского края. В то же время «Сибирский сборник» послужил своеобразным диалогическим пространством для русско-европейского и сибирского читателя, так называемым «пунктом обмена» информацией. И если учесть, что сибирское областничество всегда определялось исследователями как часть исторического процесса конструирования сибирской цивилизационной и региональной идентичности, то такого рода издательские инициативы его лидеров, несомненно, способствовали этому развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Н.М. Ядринцева в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета. Ф. 3. Ед. хр. 140.
2. Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.
3. Замятин Д.Н. Социокультурное развитие Сибири и его образно-географические контексты // Проблемы сибирской ментальности. СПб., 2004.
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
5. Об этом: Книга в России. 1881—1895 гг. / под ред. И.И. Фроловой. СПб., 1997.
6. Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Вып. 1. Красноярск, 1918.
7. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007.
8. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.
9. Чмыхало Б.Ф. Региональные проблемы истории русской литературы: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Екатеринбург, 1993.
10. Bassin, M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the early 19th Century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96, 763–794.
11. Etkind, Al. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011.
12. Said, Edward. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979.
13. Черепанова Е.С. Австрийская философия как самосознание культурного региона: дис. ... д-ра ист. н. Екатеринбург, 2000. <http://www.dissercat.com/content/avstriiskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona> (дата обращения 10.03.2014)

TRANSLIT

1. Arkhiv N.M. Yadrintseva v Otdele redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. F. 3. Ed. khr. 140.
2. Emel'yanova T.N. Oblastnichestvo N.M. Yadrintseva kak filosofiya rossiyskoy deystvitel'nosti. SPb., 2004.
3. Zamyatin D.N. Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri i ego obrazno-geograficheskie konteksty // *Problemy sibirskoy mental'nosti*. SPb., 2004.
4. Kaganskiy V.L. Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo. M., 2001.
5. Ob etom: Kniga v Rossii. 1881–1895 gg. / pod red. I.I. Frolovoy. SPb., 1997.
6. Pis'ma N. M. Yadrintseva k G. N. Potaninu. Vyp. 1. Krasnoyarsk, 1918.
7. Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii. M.: NLO, 2007.

-
8. Slezkine Yu. Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa. M.: NLO, 2008.
 9. Chmykhalo B.F. Regional'nye problemy istorii russkoy literatury: avtoref. diss. ... d-ra filol. n. Ekaterinburg, 1993.
 10. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the early 19th Century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96, 763–794.
 11. Etkind Al. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011.
 12. Said E. *Orientalism*. New York: Vintage Books, 1979.
 13. Cherepanova E.S. Avstriyskaya filosofiya kak samosoznanie kul'turnogo regiona: dis. ... d-ra ist. n. Ekaterinburg, 2000. <http://www.dissercat.com/content/avstriyskaya-filosofiya-kak-samosoznanie-kulturnogo-regiona> (data obrashcheniya 10.03.2014)